

УДК 343.85
ББК 67.515

В.А. Номоконов,
доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный федеральный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье описывается ряд проблем, связанных с политикой борьбы с преступностью в России. Автор приходит к выводу о недостаточной научной обоснованности и даже подчас криминогенности самой антикриминальной политики и вносит ряд предложений по ее оптимизации.

Ключевые слова: антикриминальная политика; борьба с преступностью; криминогенность законодательства.

V.A. Nomokonov,
Doctor of Law, Professor
Far Eastern Federal University

SOME ISSUES OF OPTIMIZING ANTI-CRIMINAL POLICY

The paper describes a number of issues connected with the policy of fighting crimes in Russia. The author concludes that the anti-criminal policy itself lacks a sufficient scientific basis and at times has a criminogenic character. He offers a number of ideas for optimizing it.

Key words: anti-criminal policy; fighting criminality; criminogenic character of legislation.

1. *Сегодняшняя преступность в России – серьезнейшая угроза национальной безопасности.* Отсюда важная задача декриминализации – очищение общественных отношений от давления криминала в рамках соответствующей антикриминальной политики государства. Особенно остро данная проблема наблюдается в приграничных регионах страны, где, как давно отмечают специалисты, наблюдается повышенный уровень прямой или косвенной вовлеченности населения в криминальные структуры, организованные преступные формирования.

Однако вопрос заключается в том, что в сфере воздействия на преступность реальной декриминализации, реальной антикриминальной политики в России пока нет ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Конечно, можно наблюдать некую политику в отношении преступности, но назвать ее антикриминальной без большой натяжки нельзя [1]. Более того, декриминализация в нашей стране все чаще, увы, сегодня на деле приводит к результатам, обратным декларируемым. Реальная практика государственного воздействия на преступность сегодня фактически потворствует преступности, т. е. является, по существу, криминогенной.

Во-первых, государственное воздействие на преступность сегодня совершенно неадекватно складывающейся криминальной ситуации. Последние пять лет все чаще возникают «ножницы» между ежегодным ростом заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях, и постоянным снижением числа зарегистрированных преступлений. Не будем голословны (табл.).

Таблица

Соотношение регистрации заявлений и преступлений

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Число сообщений и заявлений, млн	21,5	22,8	23,9	24,6
Зарегистрировано преступлений, млн	3, 21	2,995	2,628	2,405
Доля возбужденных уголовных дел, %	12	10	9	8

В приведенной таблице сопоставлены данные МВД РФ последних лет о числе сообщений и заявлений о преступлениях (и происшествиях), числе зарегистрированных преступлений и доля возбужденных уголовных дел от общего числа сообщений и заявлений о преступлениях. Мы видим до-

статочно четкую парадоксальную картину, совмещающую ежегодный рост сообщений о преступлениях и упорное снижение правоохранительными органами числа зарегистрированных преступлений. Соответственно, ежегодно снижается и доля возбужденных уголовных дел от общего числа сообщений о преступлениях.

Во-вторых, уголовная политика, уголовное законодательство, похоже, лоббируются коррумпированными чиновниками, поскольку изменения в УК РФ в последние годы вызывают все большее недоумение ученых и практиков. Это и произошедшая в 2003 г. отмена конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях УК и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 г., наделение судов правом самостоятельно (нон-сенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и т. д.

В-третьих, увы, мы уже можем говорить не только об известной коррупциогенности ряда норм уголовного кодекса, но и об их общей криминогенности. Так, петербургские криминологи (проф. Д.А. Шестаков и др.) в последнее время не без оснований обращают внимание на возможность преступности самого уголовного закона [11].

Сегодня мы вынуждены говорить и о *криминальной практике* борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов все чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения – рейдерские захваты, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел и т. п.

Таким образом, на повестке дня криминологии и уголовного права в России сегодня появляется и проблема неадекватной – или даже преступной – уголовной политики, политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества, уставшего от криминального произвола.

2. Представляется, что сегодня одна из проблем оптимизации борьбы с преступностью кроется в недостаточной научной обеспеченности законотворческого процесса и внедрения науч-

ных разработок в практику в сфере борьбы с преступностью. Названная недостаточность, в свою очередь, заключена не столько в качестве названных разработок, сколько в их упорной не востребоваемости теми, кому они предназначены. Можно много говорить об организационной и содержательной стороне или качестве формируемых рекомендаций, но пока власть не услышит ученых, ничего не изменится.

Яркий пример – история с формированием пакета антикоррупционных законов и иных директивных документов. Огромная работа ученых, депутатов и практиков над предшествующими проектами федерального закона в рамках Госдумы, рабочих межведомственных комиссий практически никак не сказалась на окончательном варианте Закона о противодействии коррупции от 25 декабря 2008 г. Никакого широкого обсуждения проекта, ни профессионального, ни общественного, как известно, не проводилось. В результате принятый вариант Закона по вполне понятным причинам имеет большое число изъянов, о которых постфактум уже много сказано специалистами. Обоснованные же предложения по оптимизации антикоррупционного законодательства пока – по большей части – так и остаются на бумаге [6]. То же самое (о не востребоваемости) можно сказать и о научных моделях доктрины антикоррупционной политики, разработанных в стенах РАН [3].

Но проблема не всегда состоит лишь в не востребоваемости научных разработок. Иные рекомендации по тем или иным причинам сами по себе представляются сомнительными с точки зрения методологической, идеологической или нравственной.

Остановлюсь на некоторых проблемах, волнующих ученых и практиков и предложениях по их решению.

3. *Проблемы оптимизации борьбы с организованной преступностью в России.* Как было отмечено на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2010 г.), организованная преступность превратилась в вид деятельности, макроэкономические аспекты которой сравнимы с национальным доходом многих стран и товарооборотом крупнейших корпораций мира. В самые трудные времена кризиса, когда банки списывали убытки десятками миллиардов долларов, многие из

них были «спасены» деньгами организованной преступности*.

Вот уже и председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин с тревогой пишет о нарастающей криминализации российского общества: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», – не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах – в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее. А теперь давайте представим себе ситуацию, в которой прецеденты этого рода начинают превращаться в норму. ... Всем – и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам – очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное» [4].

Добавим к сказанному резонансные криминальные события 2011 г., в числе которых – масштабное крышевание прокурорами и другими правоохранителями подмосковных казино и др.

Оценивая состояние борьбы с организованной преступностью (ОП) и коррупцией, следует отметить, что принимаемые меры, даже несмотря на некоторую активизацию попыток государственного противодействия коррупции, еще в целом явно неадекватны складывающейся криминальной ситуации и очень слабо учитывают соответствующие научные рекомендации.

Помимо прочего, сегодня необходим комплексный анализ и постоянный мониторинг состояния организованной преступности для выработки на этой основе адекватных мер противодействия. Без участия научных учреждений, профессиональных экспертов эта работа невозможна.

До сих пор в стране отсутствует мощная и последовательная, научно обоснованная стратегия борьбы с организованной преступностью. Одним из свидетельств этого является решение о ликвидации специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью в системе МВД осенью 2008 г. Такое решение, насколько известно, никем из ученых не только не предлагалось, но и вызвало последующую

обоснованную критику целого ряда известных специалистов. Скажем больше: слабая политика государства по отношению к этому явлению, в силу масштабности и остроты возникшей опасности, сегодня ставит под вопрос существование теперь уже и российского государства.

Специфика ОП, в которой функции непосредственного совершения преступлений отделены от организационно-управленческих, глубина ее проникновения в общество, широкие масштабы распространения настоятельно диктуют необходимость принципиально новых правовых подходов, и это хорошо известно криминологам. Как часто подчеркивается, новые криминологически значимые реалии требуют новых законодательных решений. К ним относятся комплексные специальные законы, которые, развиваясь и дополняясь, возможно, образуют в дальнейшем новые нетрадиционные отрасли законодательства: антикоррупционного (оно начало формироваться с 2008 г.) и по борьбе с организованной преступностью.

Отмечая определенные позитивные сдвиги в укреплении уголовно-правовой основы борьбы с организованной преступностью, следует обратить внимание и на серьезные проблемы, которые остались нерешенными.

Самая главная из них – недостаточная криминологическая обоснованность уголовно-правовых новелл. Многие предложения криминологов, в том числе и тех, кто входил в рабочие группы по подготовке законопроектов, оказались неучтенными.

Правда, надо сказать, что диспозиция ст. 210 УК РФ (в новой редакции 2009 г.) дополнена такими формами преступных деяний, как координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Все же, несмотря на определенные шаги в направлении оптимизации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответствен-

* Известна даже сумма «грязных» денег, которая была отмыта, – 352 млрд долларов (см. об этом подробнее: Криминолог Владимир Овчинский о новой преступности. – URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2023744.html>).

ность за преступную деятельность в составе ОПГ, нельзя пока утверждать, что уголовно-правовая основа борьбы с организованной преступностью вполне достаточна.

В числе неотложных мер по исправлению сложившейся ситуации – восстановление конфискации в системе наказаний. По мнению многих ученых и практиков, конфискация необходима как дополнительная мера наказания за тяжкие наркопреступления, организацию преступного сообщества и совершение террористического акта. Исключение из Уголовного кодекса такого вида наказания, как конфискация имущества, снизило превентивную роль уголовного закона в борьбе с организованной преступностью, а установленные штрафные санкции не всегда в полном объеме могут обеспечить конфискацию доходов, полученных от преступной деятельности.

Представляется, что нуждается в переоценке традиционное неприятие идеи уголовной ответственности юридических лиц, особенно причастных к организованной преступности. Известно, что один из вариантов проекта Уголовного кодекса РФ уже содержал соответствующие статьи, однако впоследствии они были исключены. В последнее время появляется все больше научных данных, свидетельствующих в пользу нового нетрадиционного подхода к проблеме.

Организованная преступность в России стремительно наращивает свой разрушительный потенциал. Со стороны государства и общества нужна значительно более решительная, более жесткая и адресная правовая политика в области борьбы с ней. Научное обеспечение такой новой политики есть.

4. *Наркобизнес: цели и средства ликвидации.* Важным и необходимым шагом в развитии отечественной антинаркотической политики является реализация соответствующей государственной Стратегии, которая в 2010 г. была утверждена как официальный директивный документ. Необходимость разработки Стратегии государственной антинаркотической политики обусловлена, как известно, воздействием таких негативных тенденций, как устойчивое сокращение численности населения России, ухудшение качественного состава генофонда нации вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также активизацией деятельности транснациональной преступ-

ности, усилением терроризма, экстремизма, сепаратизма и ростом преступности.

Достижение цели Стратегии предполагается реализовать по таким направлениям как сокращение спроса на наркотики путем организации системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы; сокращение предложения наркотиков путем целенаправленного пресечения их нелегального производства и оборота внутри страны, противодействия наркоагрессии; развитие и укрепление международного сотрудничества в сфере контроля над наркотиками [9].

Обращение к названному документу и цитирование этих очевидных вещей вызвано тем, что среди экспертов разных специальностей (и разных стран) в последнее время вновь зазвучали голоса о возможности и целесообразности изменения направленности антинаркотической политики, скажем мягко, в более либеральную сторону.

Так, в начале июня 2011 г. Би-би-си сообщила, что Глобальная комиссия ООН (а в ее составе – бывший генсек ООН Кофи Аннан, бывшие президенты Мексики, Колумбии и Бразилии) пришла к выводу, что легализация наркотиков во всем мире и прекращение уголовного преследования наркоманов будут более эффективны, чем война против распространения наркотических веществ. В экспертном докладе отмечается, что борьба с наркотиками якобы привела лишь к усилению наркоторговли и организованной преступности.

В 2010 г. в этом журнале была опубликована статья профессора Д.А. Шестакова «Почему бы не ликвидировать наркобизнес?» [10]. Автор верно пишет о том, что корень зла и наибольшая опасность для общества заключены в наркобизнесе, который, заботясь о рынке сбыта, сам стимулирует спрос на наркотики. Однако из правильной посылки делается, по меньшей мере, спорный вывод о том, что «торговлю надо сделать невыгодной». Ученый далее сам признает, что тем самым «мы выходим на непопулярную в России тему легализации рынка наркотических веществ». По его мнению, «уменьшение наркомании в стране и мире – это лишь факультативная цель», основная же цель – «ослабление глобальной экономической преступности в лице преступной деятельности транснациональных компаний». Д.А. Шестаков полагает, что легализация торговли наркотическими средствами – «это возможный

эффективный инструмент по выбиванию одного из финансовых рычагов в механизме воспроизводства преступности».

С данной позицией едва ли можно согласиться. Во-первых, задача «сделать невыгодным» любое преступление, в том числе наркобизнес, нереальна: именно ожидаемая выгода и мотивирует существенный сегмент преступности. Украсть, к примеру, всегда было «выгоднее», чем честно заработать. Да, стремиться к тому, чтобы преступления все больше были невыгодными для преступников, конечно, нужно, но это, в конечном счете, пока (или даже вообще) нереально. Во-вторых, уважаемый коллега некорректно определяет главную цель. Она все же, как совершенно четко определено в «Стратегии» – в уменьшении уровня наркотизма и повышении уровня здоровья народа. В-третьих, легализация продажи даже части наркотиков помогла бы, наверное, снизить цены и доходы наркогруппировок, но одновременно она ведь увеличит и масштабы вовлечения в наркопотребление количество граждан!

Некоторые другие эксперты, в принципе, занимают сходную позицию. Так, британец Мик Мур в одной из статей (март 2010) высказывается в пользу существенной либерализации антинаркотической политики, формирования по отношению к наркотикам так называемого «режима контролируемой терпимости» [6]. Суть новой политики должна, по его мнению, заключаться в опоре на «относительно развитые и сложные сети организаций и схемы, благодаря которым наркоманы получают постоянный и легкий доступ к стерильным шприцам. В этих организациях люди с зависимостью получают поддержку; там их побуждают к тому, чтобы постараться поправить здоровье; снабжают менее вредными суррогатами наркотиков; дают возможность найти средства к существованию неуголовными методами».

Наши оппоненты ссылаются на фильм С. Содерберга, получивший Оскара, где, дескать, «наглядно показана ситуация, что с наркотиками невозможно бороться». Однако многие, видевшие этот фильм, вынесли из него другое впечатление. Идея фильма заключена в другом. Всякая борьба, в том числе с наркобизнесом, существенно осложнена коррупцией. Вообще специалисты отмечают прямую связь между уровнем наркобизнеса и коррупцией. Однако сложно – не значит невозможно. Борьба должна носить более глу-

бокий и системный характер.

Для научных целей возможно применение любых методов, диктуемых логикой исследования, включая и пресловутый метод «включенного наблюдения». Однако стоит ли при этом так уж восторгаться американкой Патрицией Адлер, которая для изучения наркодилеров сидела в качестве няньки с их детьми? Страшные последствия наркотизма, горе семей и трагический жизненный путь наркоманов, криминальные связи наркодельцов, маршруты поставок наркотиков нуждаются в не меньшем, а гораздо большем научном внимании, чем мотивы и психология подонков, паразитирующих на пороках.

В России и мире уже давно идет необъявленная нарковойна, уносящая тысячи и миллионы жертв. Делать вид, что это не так – равносильно преступлению. Не нужно обмана, нужны совместные действия с общей бедой пока не поздно, чего бы это ни стоило.

5. *Проблемы оптимизации борьбы с коррупцией.* Как отмечается экспертами, за первое десятилетие XXI в. коррупция в стране достигла своего исторического максимума. Ею оказалась пораженной государственная власть на всех уровнях, вплоть до самого высокого. Сращивание власти с криминалом, наглядно продемонстрированное на примере ставропольской станицы Кущёвской, характерно для страны в целом. Сегодня коррупция превратилась в главное препятствие поступательного развития страны и в одну из главных угроз национальной безопасности.

Представляется, что успехи в этой борьбе были бы возможны, если бы попытки государственного противодействия коррупции учитывали в большей мере и выводы специалистов. Так, эксперты справедливо обращают внимание: коррупция является симптомом того, что данная политическая система мало заботится об общественных интересах в целом. Политическая легитимность власти страдает, если она позволяет кому-то получать непропорционально большие прибыли за счет других [8].

Следует согласиться с мнением, что коррупцию в нашей стране нужно рассматривать как атрибут существования современного российского государства, которое в его нынешнем виде без коррупции функционировать не может. У нас возникло рентное государство, в котором существуют и извле-

каются чиновничеством три вида ренты: административная, бюджетная и природная. Коррупция — это продукт сложившейся системы и ее часть, причем неотъемлемая. И то, что в России такая безбрежная коррупция, — это не издержки, это закономерное явление, присущее системе — системе авторитарной власти, основанной на рыночной экономике.

В стране создана «исполнительная вертикаль» или «управляемая демократия». Это государство, при котором реальная сила — только исполнительная власть. При такой системе огромная коррупция совершенно неизбежна, потому что рыночная экономика генерирует добавочную стоимость, а бюрократия использует власть, чтобы присваивать изрядную ее часть через коррупционные отношения — от постового гаишника до губернатора и федерального министра. Рыночная экономика в условиях отсутствия разделения властей, т. е. господства исполнительной власти, абсолютно неизбежно создает коррупцию, ибо возникает ситуация, подобная той, когда козлу поручают сторожить огород, а пчелам — бороться с медом [7].

Но дело не ограничивается лишь коррупцией. Само законодательство в таких условиях неизбежно становится коррупциогенным. Возьмем, к примеру, недавние (2011 г.) изменения в УК РФ, которые ликвидировали нижние пределы санкций во многих статьях и в результате безбрежно расширяют простор судейского усмотрения. Ведь всем известно, что так строить санкции нельзя, это прямо провоцирует коррупцию. Позвольте спросить: и где же была антикоррупционная экспертиза, которой подвергается сейчас всё и вся?

Как известно, в мае 2011 г. в УК РФ были внесены очередные серьезные изменения, связанные с борьбой с коррупцией. В ст. 46 УК РФ, предусматривающую штраф, внесено следующее существенное дополнение: «штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей».

Данное изменение можно трактовать двояко. С одной стороны, введение так называемых кратных штрафов за коррупционные преступления следует приветствовать. С другой стороны, вызывает недоумение ограниче-

ние верхнего предельного размера штрафа. В условиях, когда аппетиты коррупционеров изо дня в день растут, установление какого бы то ни было «потолка» вряд ли целесообразно.

В ст. 290–291 УК РФ расширен круг субъектов взяточничества за счет иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций. Это давно ожидалось и не вызывает вопросов. Введены дифференцированные размеры штрафов, кратных размерам взяток и коммерческого подкупа. Обращает на себя внимание, что штрафы, как правило, применяются в виде альтернативы другим видам наказания (богатый может попросту откупиться) либо присоединяются как дополнительные к основному виду наказания, но уже в уменьшенном размере.

Еще более существенна следующая новелла — введение института посредничества во взяточничестве (ст. 291-1 УК РФ). Под посредничеством во взяточничестве понимается непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателя в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Следует полагать, что особой необходимости в таком новшестве нет, так как посредничество во взяточничестве вполне укладывается в классические рамки соучастия в преступлении. Но тут появилась еще одна новелла. Часть 5 ст. 291-1 УК предусматривает новую фигуру соучастника — так называемого «обещателя»: в этой части произошла криминализация самих по себе «обещания или предложения посредничества во взяточничестве». Примечательно, что по нашему законодательству обещание или предложение взятки, как и вымогательство ее, сами по себе не преступны, а являются лишь приготовительными действиями. С точки зрения реализации положений Конвенции ООН против коррупции 2003 г. было бы правильнее криминализировать не только обещание в посредничестве, но и предложения и требования взятки основных субъектов коррупционной сделки, чего пока не сделано.

Поэтому остается справедливым тезис о том, что для нашего государства сегодня главное в борьбе с коррупцией — не наломать дров, а аккуратно «напилить».

Как видим, далеко не все предложения ученых, как и последние законодательные новеллы, являются приемлемыми и доста-

точно научно обоснованными. Поэтому проблема оптимизации антикриминальной политики остается достаточно актуальной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
2. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: в 2 т. – М., 2008–2009.
3. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике в Российской Федерации (макет-проект). – М., 2009.
4. Зорькин В. Конституция против криминала // Рос. газ. – 2010. – 10 дек.
5. Наркотики: на пути к глобальному режиму терпимости. – URL: <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/11/drugs.html>
6. Наумов А. Новое антикоррупционное законодательство: много упущено // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 100–105.
7. Противодействие коррупции в России: пределы возможного. – URL: <http://www.carnegie.ru>.
8. Роуз-Аккерманс. Коррупция и государство. – М., 1999. – С. 297.
9. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации // Нет – Наркотикам: сайт.
10. Шестаков Д.А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? // Криминологический журнал БГУЭП. – 2010. – № 1. – С. 30–33.
11. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 1.
12. Щедрин Н.В. Коррупция «в законе» // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 3. – С. 351–352.

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo E.Ph. *Rossijskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian Criminal Policy: Overcoming the Crisis]. Moscow, 2006.
2. *Gosudarstvennaya politika protivodejstviya korruptsii i tenevoj ekonomike v Rossii* [State Policy of Counteracting Corruption in Russian Shadow Economy]. Moscow, 2008–2009.
3. *Doktrina gosudarstvennoj politiki protivodejstviya korruptsii i tenevoj ekonomike v Rossijskoj Phederatsii (maket-proekt)* [Doctrine of State Policy of Fighting Corruption and Shadow Economy in the Russian Federation (model-project)]. Moscow, 2009.
4. Zor'kin V. *Rossijskaya gazeta* [Rossijskaya Gazeta]. Dec. 10, 2010.
5. <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/11/drugs.html>
6. Naumov A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2009, no. 2, pp. 100–105.
7. <http://www.carnegie.ru>.
8. Rose-Ackerman S. *Korruptsiya i gosudarstvo* [Corruption and the State]. Moscow, 1999, pp. 297.
9. *Strategiya gosudarstvennoj antinarkoticheskoj politiki Rossijskoj Phederatsii* [The Strategy of State Anti-Drug Policy in the Russian Federation]. Net - Narkotikam: website.
10. Shestakov D.A. *Kriminologicheskij zhurnal BGUEP* [Criminology Journal of BNUEL]. 2010, no. 1, pp. 30–33.
11. Shestakov D.A. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]. 2011, no. 1.
12. Shchedrin N.V. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad* [Russian Criminological Outlook]. 2009, no. 3, pp. 351–352.

Информация об авторе

Номоконов Виталий Анатольевич (Владивосток) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Юридический институт Дальневосточного федерального университета (690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 25, e-mail: law@ext.dvgu.ru)

Information about the author

Nomokonov, Vitaliy Anatolyevich (Vladivostok) – Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law. Law School of Far Eastern Federal University (Oktyabrskaya st., 25, Vladivostok, 690950, e-mail: law@ext.dvgu.ru).